

Дин Тянь примостился за свободным столиком у лапшичной в ожидании Дин Мо. Тот ушел за покупками, а заодно вызвался продать кое-какие вещи по просьбе деревенских.

В основном это были нехитрые вышивки молодых девушек и молодухек, которые те шили долгими зимними вечерами. Дин Мо должен был сдать их в лавки — в городе работало всего несколько ткацких да вышивальных мастерских. Работа деревенских мастериц особой тонкостью не отличалась, много за нее не давали, но на вырученные гроши крестьяне могли купить соли да хоть немного подсобить семье в их скудной жизни.

Вскоре Дин Мо вернулся и подсел к нему. Их повозка стояла прямо напротив лапшичной, у постоянного двора. Хозяева заведения хорошо знали деревенских из Деревни семьи Дин и без лишних слов приглядывали за их лошадьми и вещами — в этом и заключалась выгода доброго соседства. Наезжему купцу пришлось бы раскошелиться на чаевые для конюха или трактирного слуги, иначе никто бы и пальцем не шевельнул ради чужака.

Дин Мо успел закупить всякой всячины и забрать из починки лемехи и мотыги — холода отступали, не за горами была весна, а с ней и пахота, так что инвентарь требовалось подготовить заранее.

— Тянь-эр, заждался? — Дин Мо уложил поклажу в телегу и тяжело опустился на скамью рядом.

— Да нет, сам только пришел, — улыбнулся Дин Тянь. — Давай поедем.

Он уже заказал две миски простой лапши и пару соленых утиных яиц.

Хозяин лапшичной держал свое дело у ворот управы не первый год и отлично знал, что Дин Тянь — будущий Главный тюремщик, человек служивый, при управе. Поэтому лапши в миски он наложил не жалея, от души. Наваристый бульон на мозговых косточках, хоть и не лоснился от жира, пах умопомрачительно. К нему подали тарелочку мелко нарезанной квашеной капусты, сдобренной душистым кунжутным маслом. Съев по горячей миске и по соленому яйцу, мужчины знатно подкрепились, и приятное тепло наконец разлилось по их озябшим телам.

— Ну, тронулись, — Дин Мо подогнал повозку поближе.

— Брат Мо, — начал разговор Дин Тянь, устраиваясь поудобнее, — почему в Городе Ньюцзяо так безлюдно? На улицах почти никого.

— Так ведь отстроились только-только, — отозвался Дин Мо, понукая лошадь. — К тому же в войну народу полегло немерено, откуда живым-то взяться? — Дин Мо был старше и повидал куда больше своего попутчика, который последние три года безвыездно соблюдал траур по отцу. — Слышал я, в самом Городе Ньюцзяо пока от силы семей тридцать землю выкупили да избы срубили.

Дин Тянь намотал эти слова на ус.

Жизнь в глуши все же не шла ни в какое сравнение с Городом Ньюцзяо. К тому же ему предстояло нести здесь службу. Будь у него собственный угол в черте городских стен, ему не пришлось бы каждый раз после дежурства возвращаться в деревню.

Из их деревни никто не держал жилья в Городе Ньюцзяо — все приезжали по делам и в тот же день старались засветло вернуться назад. А ведь когда-то его отец, Дин Дахай, тоже мечтал обзавестись домиком в Городе Ньюцзяо. С одной стороны — служивому человеку так куда сподручнее, с другой — собственная городская усадьба прибавляла весу в глазах соседей.

Да только цены на недвижимость в те годы кусались немилосердно. Покойный отец лишь вздыхал, глядя на добротные дома в Городе Ньюцзяо, но не раз говаривал сыну, что к свадьбе обязательно выстроит для него дом в Городе Ньюцзяо.

Не успел. Грянула война, город захлестнуло пожарище, а сам старик сложил голову на государственной службе.

Но сейчас, пока Город Ньюцзяо только поднимался из руин и земля стоила сущие гроши, Дин Тянь всерьез задумался о покупке участка. Построить небольшой домик по собственному разумению обойдется недорого. Родовое гнездо в Деревне семьи Дин продавать, конечно, нельзя — туда нужно возвращаться на праздники и для поминовения предков, — а вот обзавестись городским подворьем для отдыха после тяжелой смены было бы в самый раз.

— Сам все поймешь, как на службу поступишь, — вздохнул Дин Мо, лениво помахивая кнутом. — Город Ньюцзяо отстроили на славу, да только былой жизни в нем нет. После такой резни пройдут годы, прежде чем торговля да ремесла снова в гору пойдут...

Когда началась война, Дин Мо как раз вошел в призывной возраст. Он отлично помнил Город Ньюцзяо в те дни: пусть тот и не блистал столичной роскошью, но запустения на улицах точно не водилось.

Правда, повоевать ему так и не пришлось — пока парня зачислили в ряды, кампания завершилась. Дин Мо прослужил в обозе, а после замирения всех добровольцев из хороших семей распустили по домам, выдав на дорогу по даню зерна, десять цзиней мяса да мешок соли. На том служба и кончилась.

— Да уж... — задумчиво протянул Дин Тянь, прикидывая в уме грядущие расходы.

Когда они наконец въехали в Деревню семьи Дин, Дин Мо остановил телегу у ворот Дин Тяня, а сам, собрав узлы и свертки, отправился разносить заказы по односельчанам.

Дин Тянь же, оставшись один, разложил на столе бумагу, растер тушь и принялся подробно

расписывать свои планы на будущее.

Сумерки сгустились незаметно. Ближе к ужину от третьего дяди принесли узелок с едой: миску сушеной пекинской капусты, обжаренной со шкварками, соленья с кунжутным маслом и два пышных ржанных пампушка величиной с кулак.

Насытившись, Дин Тянь сам прибрал со стола и вымыл посуду. Время близилось к полуночи. Сперва он подумывал зажечь светильник и набросать чертеж будущего дома, но вовремя спохватился: масло нынче дорогое, расходы предстоят немалые, так что негоже жечь его попусту. Потушив огонь, он улегся в постель и стал размышлять в темноте. Мысли текли плавно, убаюкивающе, и вскоре он незаметно для себя погрузился в глубокий, безмятежный сон, в котором ему грезились теплые весенние дни.

<http://bllate.org/book/19387/1963700>